

ДЖОНАТАН

ФРАНЗЕН

Б Е З
Г Р Е
Ш Н О
С Т
Ь

JONATHAN FRANZEN

PURITY

ДЖОНАТАН ФРАНЗЕН
БЕЗГРЕШНОСТЬ
РОМАН

Перевод с английского
Леонида Мотылева и Любови Сумм

издательство АСТ

Москва

Содержание

В Окленде	13
Республика дурного вкуса	107
Лишняя информация	225
Ферма “Лунное сияние”	319
[le1o9n8a0rd]	417
Убийца	585
Стук дождя	673

Посвящается Элизабет Робинсон

*...Die stets das Böse will und stets das Gute schafft*¹.

1 Творит добро, всему желая зла (*нем.*). Гете, “Фауст”, перевод Б. Пастернака.
Здесь и далее — *прим. перев.*

В Окленде

Понедельник

Котенок, я так рада тебя слышать! — сказала ей мать по телефону. — Ты знаешь, тело опять меня подводит. Порой мне кажется, вся моя жизнь — одна долгая, многоэтапная измена тела.

— Разве не всякая жизнь так устроена? — откликнулась Пип. Она завела привычку звонить матери посреди обеденного перерыва. Это помогало хоть ненадолго избавиться от чувства, что она не годна к этой работе, что к работе в “Возобновляемых решениях” ни один человек не годен — или, наоборот, что все дело в ней самой, что ей ни одна работа не подойдет; проговорив минут двадцать, она могла, не кривя душой, сказать матери, что ей пора возвращаться к делам.

— Левое веко вниз тянет, — объяснила мать. — Как будто к нему грузик подвешен, грузило на тоненькой леске.

— Прямо сейчас?

— То потянет, то отпустит. Начинаю бояться: может быть, это паралич Белла?

— Не знаю, что такое паралич Белла, но это точно не он.

— Как ты можешь быть уверена, котенок, если даже не знаешь, что это такое?

— Ну... ведь у тебя уже “была” болезнь Грейвса? Потом гипертиреоз? И меланома?

Не то чтобы Пип нравилось высмеивать маму с ее болячками, но любой их разговор был чреват “моральным риском” — этот весьма полезный термин девушка усвоила, когда изучала в колледже экономику. В материнской экономике она была чем-то вроде очень крупного банка, чье банкротство совершенно недопустимо, или ценнейшим сотрудником, которого невозможно уволить за нахальство, потому что без него не обойтись. Кое у кого из оклендских подруг тоже были непростые родители, но все же каждой из них удавалось поддерживать с родителями ежедневное общение без неподобающих странностей, потому что даже в самом трудном случае дочь не была для старшего поколения, как Пип для ее матери, единственным светом в окошке.

— Мне кажется, я не смогу сегодня пойти на работу, — сказала мать. — Мне только медитация дает для нее силы, а никакой медитации толком не получится, когда веко тянет вниз *невидимое грузило*.

— Мама, ты не можешь снова сказать больно. Еще даже июль не наступил. А если потом и правда заболеешь каким-нибудь гриппом?

— И пусть все удивляются: что это за старуха пакует их закупки, а у самой пол-лица до плеча свисает? Как же я завидую твоему личному отсеку в офисе, ты себе не представляешь. Твоей невидимости.

— Вот уж отсек идеализировать не стоит, — заметила Пип.

— Самое ужасное в телах именно это — их видимость. Они очень *видимы*, очень.

Нет, мать Пип не была сумасшедшей, хоть и страдала хронической депрессией. На должности кассирши супермаркета в Фелтоне, торговавшего натуральными продуктами, она держалась уже десять лет с лишним, и Пип прекрасно могла уследить, о чем мать говорит и почему, если отказывалась на время от собственного образа мыслей и подчинялась материнскому. На серых стенках офисного отсека Пип имелось единственное украшение — наклейка на бампер: ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ

С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ ВОЙНА ИДЕТ ХОРОШО. Другие сотрудники оклеили свои отсеки фотографиями и вырезками из журналов, но Пип, подобно ее матери, чувствовала притягательную силу невидимости. К тому же стоит ли вить гнездышко, если тебя не сегодня завтра уволят?

— Ты уже думала, как мы *не будем* праздновать *твой день*? — напомнила она матери.

— Честно говоря, я бы весь этот день провела в постели, укрывшись с головой. Я и без него прекрасно помню, что старею и старею. Мое веко очень хорошо мне об этом напоминает.

— Давай я сделаю торт, приеду, и съедим его вместе. Ты что-то сегодня совсем мрачная.

— Увижу тебя — не буду мрачной.

— Гм... Жаль, что меня не продают в таблетках. Торт со стевией¹ подойдет?

— Не знаю. Химия моей слюны на стевию реагирует как-то странно. Вкусовые бугорки, по моему опыту, не так легко обмануть.

— Сахар тоже дает послевкусие, — заметила Пип, хоть и понимала, что шансов выиграть спор у нее нет.

— Сахар дает *кислое* послевкусие, с которым у вкусового бугорка проблем не возникает: он так устроен, что сообщает о кислом, но не сосредоточивается на нем. Не сигнализирует пять часов подряд: странно, странно! Как было в тот единственный раз, когда я выпила что-то со стевией.

— Кислый привкус все-таки тоже не сразу исчезает.

— Это никуда не годится, если бугорки все еще чувствуют странность через пять часов после того, как выпьешь подслащенный напиток. Ты слыхала, что стоит один-единственный раз покурить метамфетамин, и вся химия мозга изменится до конца твоих дней? Вот о чем мне напомнил вкус стевии.

— Я тут не балуюсь метом, если ты на это намекаешь.

— Я намекаю, что никакого торта мне не нужно.

1 *Стевия* — многолетнее растение. Используется как сахарозаменитель.